

ЛЕВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Г.И. КОЛАРОВ

Кафедра истории философии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10 а, 117198 Москва, Россия

В статье исследуется современное состояние левоэкстремистской идеологии в Латинской Америке и ее политических носителей, их взаимодействие с левоцентристами, а также противостояние правящим кругам США.

До середины XX века латиноамериканские политики руководствовались, прежде всего, национализмом – продуктом, сформировавшимся в результате разочарования в политике правящего класса, не способного решить самые важные национальные проблемы. Это обстоятельство логически ведет к углублению политического напряжения, которое в ряде случаев порождает революционные ситуации. Они усугубляются из-за нехватки гомогенности некоторых латиноамериканских наций, из-за отсутствия единого национального рынка, из-за нерешенности аграрного вопроса. Решающее влияние на их развитие оказывает brutальное североамериканское вмешательство. Оно разжигает национализм и ненависть к США у латиноамериканцев.

Вашингтон проявляет исключительную нетерпимость к левым движениям и правительствам в Латинской Америке. Всему миру известны попытки снять с должности Фиделя Кастро на Кубе, успешный переворот против левого правительства в Чили (совершенный при поддержке США), а также огромные средства, выделенные президентом Рейганом для так называемых групп «контрас», борющихся против сандинистского правительства Никарагуа. Этот диктат ведет к вспышке национал-демократических революций. Некоторые из них заканчиваются победой – Мексика, Боливия, Гватемала, Коста-Рика, Гайана. Латиноамериканский национализм очень сильно затрагивает их стратегические интересы в регионе.

Как национал-демократическая начинается и Кубинская революция и впоследствии перерастает в социалистическую (это, кстати, становится и причиной того, что многие латиноамериканские левые радикалы, в самом начале приветствовавшие идеалы кубинских революционеров, потом публично порвали с ними, как, например, великий перуанский писатель Марио Варгас Льюса, который после разочарования в коммунизме и в Фиделе Кастро вообще перешел на сторону правых и стал консерватором). На этот процесс сильное влияние оказывают настроения против США. Кубинская революция стимулировала могучее национально-революционное движение на субконтиненте. Во время существующей тогда двухполюсной системы, у

него не было иного шанса, кроме как эволюционировать к марксизму. Советское руководство безусловно решило воспользоваться этой ситуацией. На основе «тиермондистской» (третьемирской) революционной идеологии был создан альянс между крайнелевыми не только в Латинской Америке, но и во всем мире с такими течениями как радикальный исламизм в мусульманском мире и наследниками крайнеправых в Европе. Это геополитическое сотрудничество осуществлялось благодаря кубинскому посредничеству.

Попытку направить настроения против США в русло демократии и реформизма сделали некоторые местные правительства в 80-х годах. Они старались укрепить региональную интеграцию и обеспечить защиту национальных интересов. До этого ненависть к северному соседу лежала в основании всех экстремистских группировок, исповедующих целый спектр левых революционных идеологий. США и созданная ими межамериканская система встретились с огромными проблемами. Терроризм, партизанская война, наркотики не позволяли насаждать «новый мировой порядок» и «американский образ жизни» так спокойно, как, например, в Восточной Европе. Безработица, политическое насилие, бедность, плохое управление, рост анархии и коррупции катализируют антиглобалистские и антисевероамериканские установки.

Процесс демократизации в Латинской Америке приобрел разные измерения. С одной стороны, это распад диктатур региона так называемого «Южного конуса» (что со своей стороны, продемонстрировало несостоятельность традиционализма олигархии и военной элиты) и приход к власти социал-демократических и леворадикальных правительств в некоторых странах. С другой стороны, это были совместные усилия стран Группы «Контадора» и «Группы поддержки для разрешения конфликтов в Центральной Америке», направленные к радикальной региональной интеграции. Это в итоге привело к Сандинистской революции, свергнувшей самую старую латиноамериканскую диктатуру (потеря власти сандинистами в результате выборов является неопровержимым доказательством, что эта революция вписывается в региональный демократический процесс). В самых больших южноамериканских странах – Бразилии и Аргентине – демократические перемены были связаны и с национальной самоидентификацией. Здесь можно припомнить определение Алена Турена, что «нация» - это «сила, объединяющая противоположные политические и экономические интересы» [9. С. 119].

Характерной особенностью латиноамериканского перехода к демократии является тот факт, что одни и те же политические силы и фигуры могут быть в одних ситуациях столбами диктатуры, а в других – борцами за демократию. Причиной этого является то, что ни один деспотический режим не может быть стабильным и спокойным в достаточной степени с точки зрения того, кто намерен вложить капиталы и начать бизнес. Хотя надо подчеркнуть, что ни в одном случае демократические правительства региона не справляются со своими задачами в полном объеме и не отвечают

ожиданиям тех, кто их выбрал. С их приходом нарастают хаос, преступность, национальные контрасты. Как правильно указывает Марина Чумакова: «для утверждения или консолидации демократии недостаточно конституционных и избирательных реформ, создания институциональных структур и основ правового государства» [4. С. 13]. Все время усиливающаяся тенденция к социальному расслоению и маргинализации уже привела к рекордным масштабам. Нет другого континента в современном мире, где встречается такой контраст между богатыми и бедными. Если этот процесс будет продолжаться, будет параллельно увеличиваться риск социальных катаклизмов и, соответственно, возвращения к авторитарным диктатурам. Это будет полностью закономерное явление, которому никакие силы не смогут противостоять. Наступающая, с бешеной скоростью, маргинализация даже угрожает дезинтеграцией некоторым латиноамериканским обществам, как например перуанскому. Не зря перуанский электорат не один раз продемонстрировал в течение последних десятилетий, что он является самым левым и самым экстремистским во всей Латинской Америке. В Перу несколько раз случалось, что 2/3 из имеющих право голосовать поддерживали левые партии, у которых без исключения экстремистское прошлое, а у некоторых даже и настоящее. Последние президентские выборы, на которых главными соперниками были априст Алан Гарсия и индеанист Ольянта Умала подтвердили левоэкстремистскую ориентацию большинства перуанского населения. Хотя Алан Гарсия выиграл, он в курсе, что его победа является результатом традиционных установок большинства перуанских левых, которые по-прежнему считают апристов – революционерами (Здесь напрашивается аналогия с российским электоратом, поддерживающим КПРФ, и с болгарским, поддерживающим Болгарскую социалистическую партию – БСП). Кроме того, считается, что в предыдущих годах до 30 % населения поддерживало «Сендеро Луминосо», а это уже означает категорическое отвержение существующих государственных и общественных структур. (Стоит припомнить, что сендеристы угрожают «сравнить с землей белую цивилизацию», как говорит сам Абимаэль Гусман).

Подобные высказывания и действия становятся причиной того, что возрожденная демократия в некоторых латиноамериканских странах подвергается время от времени серьезным испытаниям со стороны военных. Например, в 1989 году аргентинская левоэкстремистская группировка «Все для родины» попыталась начать гражданскую войну в стране, и это спровоцировало несколько бунтов, организованных аргентинскими офицерами, направленных против демократического правительства.

Демократизация в самых больших латиноамериканских странах ведет к возрождению популизма. Это относится как к ситуации в Бразилии, Чили, Венесуэле и Уругвае, где президентами являются Лула, Рикардо Лагос, Уго Чавес и Табаре Васкес, так и к таким странам, как Мексика, где политические носители популизма находятся сейчас в оппозиции (Ее лидер Андрес Мануэль Лопес Обрадор является последователем бывших президентов-популистов Ласаро Карденаса и Луиса Эчеверия). Это касается даже

Колумбии, где бывшие маоистские партизаны из Народной армии освобождения (ЕПЛ) поменяли оружие на депутатские банки, а их лидер Серхио Кабрера (режиссер с мировой известностью) долгое время был заместителем председателя колумбийского парламента. Здесь стоит отметить, что демократизация в Латинской Америке не ограничивается только странами, где долгие годы правили правоавторитарные диктатуры. Она развивается и в таких странах, где долголетнее демократическое управление в большой степени деформировалось в авторитаризме. Так было, например, в Мексике и в Венесуэле, до появления таких политиков, как Куаутемок Карденас и Уго Чавес. Хотя в этих странах институты политической демократии всегда были реальностью, они не гарантировали настоящего демократического характера общества. В них индивид был бесправным перед органами власти, правового государства практически не было, гражданское общество было слабое и можно было легко им манипулировать. Демократизация общества отставала от демократизации государственных институтов.

Надо подчеркнуть, что в Латинской Америке диктатуры почти нигде не доходили до тоталитаризма. С некоторыми оговорками и условностью, это можно сказать только о Стреснере в Парагвае и Дювалие в Хаити. Остальные режимы были авторитарными. В 70-х и 80-х годах, характеризующихся революционными напряжениями и военными переворотами в противовес правовому государству, конфликты провоцировались левоэкстремистскими группировками, которые, однако, не были в состоянии поднять за собой весь народ. Ни в одном из этих случаев гражданское общество не было полностью разрушено. Поэтому, когда начинался распад диктатуры, политические партии возрождались с сохраненным социальным базисом, названием, структурой и лидерами. Оказалось, что даже Пиночет не был в состоянии справиться с левыми партиями в Чили, которые после его падения восстановились.

До переворота чилийские левые партии сосредоточивались на защите и утверждении структур и институтов представительной демократии в стране. Положение изменилось во время диктатуры. Часть их вернулась к конституционным нормам политической жизни и способствовала ликвидации всех последствий управления Пиночета. Чили пережило одну из самых деликатных фаз в политической жизни отдельно взятого государства – фазу перехода от одного политического режима к другому. В этих условиях даже чилийские левые радикалы, призывая поднять знамя социалистической «утопии», пледируют к реализму [10. С. 46]. Это характеристика огромного большинства представителей чилийских левых. Здесь надо отметить выдающегося политика Рикардо Лагоса, который первым начал реформы в среде чилийских социалистов, верно нащупывая пульс мировых тенденций. Эта его деятельность логически вывела его на лидерский пост в Чилийской социалистической партии и, в конце концов, привела к избранию на пост президента. По популярности он сейчас не имеет соперников среди чилийских политиков, занимая свое место в истории страны. В отличие от

Сальвадора Альенде, Луиса Корвалана и других виднейших деятелей Блока народного единства, ему удастся сочетать ускоренное экономическое развитие с мерами, направленными на поднятия социальной справедливости на более высокий уровень, на повышение образовательного уровня населения страны в целом, на программу по ликвидации бедности, на совершенствование системы здравоохранения, строительство домов для всех чилийцев, и с наказаниями для виновных в военных преступлениях (во главе с самим Пиночетом, который предстал перед судом, и его зятем - начальником специальной службы ДИНА - генералом Мануэлем Контрерасом Сепульведа, который уже осужден) и с переходом в современное общество.

Указанный пример является типичным для всей Латинской Америки. Похожим образом развиваются события и в других странах региона. В них демократические левые ориентируются на союз с либеральными и реформистскими политическими силами, чтобы отстранить угрозу реставрации диктатуры. С другой стороны, либералы и даже консерваторы нуждаются в левых силах по той же причине. Опыт, однако, показывает, что расширение демократического фронта за счет центристов и части правых отвечает интересам эксплуатируемых масс, тогда как в его ядре есть революционный авангард, заслуживший доверие народа. В противном случае левые партии теряют свою самоличность, а как в Аргентине и в Никарагуа во время диктатур Виделы и Сомосы, так и на Кубе во время Батисты на двадцать лет раньше. После падения диктатур и распада СССР и Варшавского договора эти партии оказались в политическом тупике (Только кубинские коммунисты вовремя влились в структуру, возглавляемую Фиделем Кастро, и даже успели оставить свое имя для ее названия). Если легитимная левая политическая партия в каком-нибудь латиноамериканском государстве начинает терять политическую инициативу, то на ее место сразу приходит левая революционная организация типа движения «26 июля», СФНО, либо «Сендеро Луминосо». Эта традиция идет со времен Кубинской революции. Только путем мобилизации и организации этих социальных групп, которые не могут рассчитывать на удовлетворение своих требований со стороны государства, левые могут стать влиятельными в достаточной степени, чтобы заключать союзы с другими политическими силами на равноправном основании, не играя в таком союзе роли «младшего брата». Расширение прямого участия масс в решении проблем страны является главным критерием демократии и необходимым условием для социального прогресса.

Проблема единства является ключевой для латиноамериканских левых. Она становится особо актуальной в условиях выбора самого целесообразного варианта общественного развития. Если левые силы находятся под скрещенным огнем обоих «мастодонтов», при наличии двухпартийной системы, то только в составе объединенной политической организации, они могут стать балансирующим фактором, как в свое время Широкий фронт в Уругвае или Объединенные левые в Перу. Именно эта

позиция балансера как раз и стала потом трамплином для уругвайского Широкого фронта к овладению сначала поста мэра Монтевидео и после этого президентского поста его многолетним лидером Табаре Васкесом. Он сумел объединить коммунистов, социалистов, ветеранов «Гупамарос», занимая, таким образом, весь объем левого политического пространства страны.

В других латиноамериканских странах, в зависимости от исторических и политических традиций, проявляются, прежде всего, ленинистские (отвергающие маоизм), прокубинские или троцкистские левозэкстремистские организации. Вне зависимости от идеологических нюансов, их сила и численность прямо пропорциональны остроте социальных противоречий в этих странах. После распада СССР к левому экстремизму ориентируются и некоторые раньше умеренные просоветские коммунистические партии. Процесс переориентации начался с открытого письма, опубликованного в Гаване сразу после крушения мировой социалистической системы и подписания центральными комитетами коммунистических партий Коста-Рики, Гондураса, Сальвадора, Аргентины и Доминиканской республики. В нем выражалась критика политических процессов в СССР и в Восточной Европе, приведшим к распаду социалистического лагеря, и выражалась готовность продолжить революционную борьбу. Лидеры этих партий тогда решили закрепить за Латинской Америкой ярлык «марксистского континента».

Этот ярлык становится актуальным сейчас, когда все мы стали свидетелями так называемого «левого поворота» в Латинской Америке. Начался он с того, как утверждает один из виднейших российских исследователей Збигнев Ивановский, что «при длительном пребывании у власти политические партии стагнируют, а избиратели, заинтересованные в смене политических элит, отказывают им в доверии. Результатом этого процесса стала победа на выборах политических лидеров, не принадлежащих к партиям истеблишмента» [5. С. 109]. Основной причиной этого он считает, что «издержки неолиберальной модели, в первую очередь усиление социальной поляризации и пауперизация значительной части населения, способствовали сдвигу политического маятника влево» [5. С. 109]. Эмиль Дабагян определяет два общих критерия для всех левых правительств Латинской Америки: во-первых, все они отвергают фундаменталистский неолиберализм, концентрированным выражением которого стал документ под названием «Вашингтонский консенсус»; во-вторых, все они ратуют за поиск альтернативного варианта развития [5. С. 110]. Он подразделяет их на два подвида: левых радикалов и левых центристов [5. С. 110]. Его позиция по поводу этого размежевания опирается на несколько критериев. Первый из них демократия. Если для левоцентристов она является абсолютной ценностью, для левых радикалов она лишь средство для достижения целей. Пока левые центристы стараются поддерживать равновесие между государством и рынком, левые радикалы претворяют в жизнь свои популистские проекты. По этому поводу виднейший мексиканский политолог и бывший министр иностранных дел Хорхе Кастанеда напоминает, что

большинство латиноамериканских левоцентристов, как Лула, Алан Гарсия, Табаре Васкес, чилийские социалисты в свое время начинали свою политическую карьеру с ультралевыми установками и твердыми позициями против доминирования США и МВФ в Латинской Америке [7. С.56].

Основным критерием для размежевания современных левоцентристов и леворадикалов в Латинской Америке, как и прежде, является отношение к США. Уго Чавес, Эво Моралес, братья Кастро, Ортега и Умала используют каждый маленький повод, чтобы «демонизировать» США, в основном президента Буша и его окружение. Наоборот, Лула, Алан Гарсия, Табаре Васкес, Нестор Киршнер и Мишел Бачелет стараются подавить традиционную латиноамериканскую ненависть к северному соседу и наладить взаимовыгодный диалог. Левые радикалы выступают также против всех международных организаций государств Западного полушария, в которых США играют ведущую роль. Они придерживаются этатистской политической модели, с экстремистским уклоном. Это логическое продолжение их левозкстремистской биографии.

Помимо президента Буша, у леворадикальных лидеров стран Латинской Америки сложные отношения и с их коллегами – левоцентристами. Это касается, прежде всего, венесуэльского президента Чавеса, которого Лула и Киршнер обвиняют в подстрекательстве Моралеса к вытеснению их капиталов и инвестиций из Боливии. Чавес поссорился и с Гарсией, после того как поддержал его соперника – Умалу, на последних президентских выборах. С другой стороны, Лула и особенно Киршнер поссорились и с Васкесом. Пока только ветераны латиноамериканской революционной левой – Фидель Кастро и Даниэль Ортега пользуются всеобщей симпатией среди своих коллег-президентов стран региона.

В ближайшие десятилетия левый экстремизм, вопреки военным и политическим поражениям, постоянно будет возрождаться в регионе, где безработица и голодная смерть угрожают 2/3 латиноамериканцев. Этому будут способствовать революционный католицизм, марксистское толкование прогресса и латиноамериканское интеллектуальное отчаяние (символом которого является «команданте Маркос»). Распад советского блока не был в состоянии привести к исчезновению радикальных экстремистских организаций. Латиноамериканским левым уже не приходится доказывать, что они не являются креатурами КГБ и что их приход к власти превратит страну в сателлит СССР. Тем более что они подчеркивают свое намерение проводить в будущем политику в соответствии с национальными и региональными особенностями и следовать своей собственной модели.

В XXI веке не существует причин разделения между латиноамериканскими левыми партиями и движениями – отношение к России и к Восточной Европе, к реальному социализму. Сейчас на передний план выходят внутренние проблемы, прежде всего защита социальных интересов бедных слоев. По этому вопросу ленинисты, троцкисты, маоисты, социал-реформисты и левые радикалы не имеют разногласий. Тактические различия все больше отступают перед необходимостью стратегического

взаимодействия. Можно прогнозировать, что там, где уже существуют коалиции левых сил и народных фронтов, они будут укрепляться, а там, где их нет – будут создаваться. Как уже показала практика, во многих странах в левых коалициях и народных фронтах не будет выдающейся партии-лидера, а, скорее всего, они будут союзами равных. (Таковыми были в свое время ФНО «Фарабундо Марти» в Сальвадоре и Объединенные левые в Перу). Политическая программа единодействия, скорее всего, будет вырабатываться в течение объединительного процесса. Относительный вес участников этих коалиций будет определяться, прежде всего, массовостью их социальной базы. Она может служить критерием для разграничения левых радикалов от ультралевых, если не хватает идеологического критерия. Можно указать на пример Революционного движения «Тупак Амару» в Перу. Оно сочетает идеологии апризма и кастризма и имеет очень ограниченную социальную базу. Его можно определить как ультралевое.

Необходимость единства левых сил в Латинской Америке продиктована политическим реализмом. В единстве, конечно, надо сохранить многообразие, чтобы полностью занять левую часть политического пространства. Обезличивание некоторых левых партий, как, например, в Перу, может привести к появлению организаций типа «Сендеро Луминосо». В Бразилии, Чили и Уругвае, где существующие левые коалиции создавались из разнородных партий, они взяли власть полностью демократическим путем. Основанием объединения всех левых сил в каждой отдельно взятой латиноамериканской стране является то, что в Европе называется «антиамериканизмом», то есть полным отвержением североамериканской зависимости в любой форме. Как говорит Збигнев Бжезинский: в Латинской Америке «США рассматривается не только как экспансионистическое, эксплуататорское и устремленное к мировому господству государство, но и в культурном смысле, как вульгарное и откровенно материалистическое общество» [3. С. 27]. Он цитирует определение Че Гевары, который называет США «самым большим врагом человечества» [3. С. 23].

Спустя несколько лет после установления независимости, США положили начало активным контактам с Латинской Америкой. Были установлены узкие политические и широкие экономические связи между молодыми государствами Западного полушария. Вашингтон первым признал независимость пяти южноамериканских стран, появившихся после распада Великой Колумбии. В 1823 году доктрина «Монро» регламентировала политику большого и сильного северного соседа в отношении стран региона. Эта политика не допускает ни одну другую чужую силу вмешиваться в латиноамериканские дела. Она проводится структурно и последовательно до сегодняшнего дня. «Основной критерий в двухсторонних отношениях – это лояльность соответствующего режима к могучему северному соседу. Тем более что большая часть диктаторских режимов приходят к власти с североамериканской помощью и североамериканцы часто меняют одну диктатуру другой» [1. С. 177]. В руках США сосредоточены механизмы экономической и финансовой эксплуатации региона, огромная военная сила

для подавления революционных движений. У них глобальная и единая стратегия в отношении все еще разъединенной Латинской Америки. Они прилагают в зависимости от ситуации экономической, политической или военный нажим. Латиноамериканские левые сумеют выполнить свое предназначение, если сумеют материализовать установки латиноамериканцев, направленные против США, возглавляя широкое движение для национальной независимости и социального прогресса.

Катализатором объединения левых сил в Латинской Америке и их присоединения к мировому левому движению является антиглобалистская идеология и ее военные и политические структуры. Не зря ветеран русской и советской латиноамериканистики Борис Коваль отмечает, что «в целях предотвращения крупных конфликтов необходимо обратить особое внимание на изучение конкретных настроений «народных классов», причин и форм антиглобалистских тенденций и различных экстремистских действий. Многие из них фактически спровоцированы именно глобализацией» [5. С.140]. Как известно, движение антиглобалистов объединяет множество разных течений, большинство из которых имеют леворадикальную характеристику. Они группируются в четырех основных фракциях: анархисты, экологи, левые католики и троцкисты. В Латинской Америке у них есть политические представители практически во всем субконтиненте. Вот главные из них:

- Анархисты: это, прежде всего, последователи эмблематического лидера партизан-сапатистов в Мексике – субкоманданте Маркос, а также «Мовименту ду сем тераш» (движение лишенных земли) в Бразилии и часть «индеанистов» в тех странах, где проживают компактные массы индейцев.
- Экологи: это, прежде всего, последователи бразильского радикального эколога Жоау Педру Стедиле и его союзника – бывшего террориста Фернанду Габейра, основателя Зеленой партии.
- Левые католики: это латиноамериканские теологи освобождения, которые уже имеют поддержку и в католических странах Европы.
- Троцкисты и ультралевые либертарианцы: среди них основатели и руководители Всемирного социального форума в бразильском городе Порту-Алегри.

Символом объединения всех левых радикалов и антиглобалистов в Латинской Америке и во всем мире с «новыми правыми» и с исламскими фундаменталистами является венесуэльский террорист Илич Санчес Рамирес-Карлос. Он посылает из тюрьмы послание всем своим соратникам и единомышленникам, что «сегодня нам нужен новый интернационализм, способный объединить тех, кто исповедует моральный идеал, и связать духовное измерение с концептуальной и теоретической архитектурой социального революционного движения» [2. С. 177]. Карлос пытается заочно объединить и руководить всеми силами антиглобализма.

Директор Координационного центра латиноамериканских исследований Мексиканского национального университета Эстела Моралес Кампос отмечает характерные черты сегодняшней действительности и

ближайшего будущего, которые приводят к выводу, что перед левыми и антиглобалистскими силами в Латинской Америке есть хорошие перспективы:

- консолидация и усиление демократических процессов, значимость выборов, права и обязанности гражданина, ответственности правительства;
- уважение к человеческим правам и к результатам «холодной войны» во внутренних и международных отношениях стран;
- права индивидов на информацию и на выражение общественного мнения;
- более интенсивные и широкие связи между государствами региона Латинской Америки и Карибского бассейна;
- общность местных культур [8. С. 22].

Эти характеристики латиноамериканских обществ определяют и выясняют их специфику как неразрывную часть всего мира, как часть его богатства, его плюрализма, его многообразия, его индивидуальности и универсальности. В современной эпохе глобализации сущность Латинской Америки как единого целого, со всеми внутренними различиями, уживающимися в единстве. Возрождается утопия, объединяющая многоязычие и мультикультурализм в унитарную модель, как ее понимали «освободители» и самые светлые умы латиноамериканских народов [8. С. 128]. По этому поводу великий мексиканский философ Леополдо Сеа писал, что «надо оправдать интересы нового человека и новых социальных классов, которые появились в истории. Человек, который прибрал к себе инициативу в новом мире, в современном мире, работает в конкретном направлении, и цели, им преследуемые, в результате этой работы, являются единственными целями для реализации, путем единственной его работы» [11. С 53].

Являясь частью мирового сообщества, латиноамериканские страны встречаются с тяжелыми проблемами неравенства и отчуждения, политической нестабильностью, демографического подъема. Слабые и истощенные содержанием политические институты не в состоянии содействовать консолидации демократии и экономическому развитию. Поэтому они уступают места гражданским организациям с харизматическими лидерами, которые содействуют стабилизации процесса устойчивого развития и повышению качества жизни народа. Неолиберальные реформы приводят к таким политическим процессам, как децентрализация и модернизация государства, которые со своей стороны обуславливают социальную интеграцию. Она же ведет к региональной, вне зависимости от различий в геополитической ориентации латиноамериканских стран.

Латинская Америка вступает в новый век, динамично развивая процесс региональной интеграции. Она переживает перемены в соотношении внутренних политических сил, которые выражаются в углубление роли больших государств региона в интеграционном процессе. С одной стороны, государства гиганты – Бразилия и Мексика берут на себя все больше ответственности в качестве региональных лидеров, а с другой, самые богатые природными ресурсами государства – Венесуэла и Боливия

занимают передовые позиции в отношениях с внешним миром.

Однако, как отмечает исследователь современной истории Латинской Америки Ервант Капустян: «массовое недовольство экономической либерализации генерирует новые трудности в процессе модернизации политической, что провоцирует рост протестного голосования и способствует выходу на политическую арену харизматиков-популистов, щедрых на посулы избирателям. Приход к власти деятелей такого плана продуцирует, как правило, политические кризисы, что нередко ведет к политической поляризации и повышению конфликтности, то есть к новым рискам дестабилизации» [4. С. 10].

Политическая действительность в Латинской Америке не может рассматриваться отдельно от мировых процессов. Она характеризуется новыми условиями и возможностями для развития демократии. Политические силы, которые в соответствии со своей социальной базой и программой борются за утверждение демократических принципов, несут историческую ответственность.

Современные реальности отвергают и осуждают всякие формы догматизма, классового эгоизма и политической ограниченности и навязывают новые, нестандартные решения, исходящие из исторического опыта и из принципов нового понимания путей и методов борьбы за демократию и прогресс. Как подчеркивает знаменитый итальянский латиноамериканист Рикардо Кампа: «Латинская Америка оформляется как место современной эпохи, где будет возможно упражняться в господстве человека над природой, не попадая при этом под санкции общественного интереса. Опыт, накопленный вследствие этих действий, взыскивает ревизию утопических и догматических правил, следуя которым Латинская Америка включается в динамику современности, требуя расширения и усиления идеальных установок западной культуры» [8. С. 79]. Заканчиваем словами всемирно известного мексиканского юриста Фернандо Охесто Мартинеса Поркайо, что «демократическая Латинская Америка ожидает новую социальную Латинскую Америку» [6. С. 38].

ЛИТЕРАТУРА

1. Величков. Външна политика на САЩ: 1990-2005. От лидерство към хегемонизъм. – Йордан: София, 2005.
2. Геополитика. - София, 2005. - №4.
3. Латинская Америка.- Москва, 1990. - №9.
4. Латинская Америка. - Москва, 2003.- №11.
5. Россия и иберо-американский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества. - Москва, 2006.
6. Desafios sociales de America Latina en el siglo XXI. - Bratislava, 2004.
7. Foreign Affairs.- May-June 2006.
8. Leopoldo Sea y la cultura. - Roma, 2006.
9. Touraine, Alain. Le Chances de la democratie en Amerique Latine-Problemes d'

Amerique Latine. - Paris, 1986.

10. Vuscovic P. La herencia del Che en America Latina. Casa de las Americas. - La Habana, 1986.

11. Sea L. America en la historia. FCE. - Mexico/Buenos Aires, 1957.

LEFT EXTREMISM IN LATIN AMERICA: SOCIO-POLITICAL ASPECTS

G.I. KOLAROV

History of Philosophy Chair
Peoples' Friendship University of Russia
10a Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russia

The article investigates the contemporare state of left extremist ideology in Latin America and its political representatives, their relations and corelations with the left centrists and their opposite attitudes to the ruling elite of USA, which leads to their regional integration.